

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Новые акценты теории народности Ф. И. Буслаева в эпоху Великих реформ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 14-18-01833

В статье рассматривается резонанс «Исторических очерков» Ф. И. Буслаева, повлиявших на изменение умонастроений соотечественников и смягчение критики ученого представителями революционно-демократических кругов. Отмечается, что для самого исследователя осознание общественной значимости его работ не привело ни к искоренению мировоззренческо-эстетических установок романтизма, ни к актуализации научных интересов. В 60-е гг., как и прежде, его привлекали «наивное мировоззрение», духовная деятельность, «нравственная физиономия» народа. Вместе с тем новыми акцентами творчества Ф. И. Буслаева стали 1) активизация просветительских интенций ради ускорения «громкого переворота» в сознании образованной русской элиты; 2) поиск алгоритмов проникновения в образ мыслей, привычки сознания людей далеких эпох; 3) осмысление теории заимствования фольклорно-литературных явлений Т. Бенфея и признание наличия общих законов развития психики у всех народов Земли; 4) привлечение визуальных источников для реконструкции мироощущений древних и средневековых обществ.

Ключевые слова: научные идеалы, культурно-исторические исследования, идеализация и эстетизация народного творчества, «обличители» народной культуры, духовная деятельность, эстетическая и нравственная чистота народной поэзии, безыскусная и искусственная поэзия, духовный мир народа, наивное мирозерцание, народное сознание, беспристрастие и профессионализм ученых, теория заимствования.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

New Accents in F. I. Buslaev's Theory of Nationality during the Great Reforms Era

The resonance of F. I. Buslaev's «Historical sketches» is considered, which influenced change of compatriots' moods and mitigation of criticism of the scientist by representatives of revolutionary-democratic circles. It is noted that for the researcher awareness of the public importance of his works didn't lead neither to eradication of worldview and aesthetic ideas of romanticism, nor to updating of scientific interests. In the 60-s, as it was earlier, he was interested in «naive outlook», spiritual activities, «moral physiognomy» of the people. At the same time new accents of F. I. Buslaev's creativity became: 1) activation of educational intentions for the sake of acceleration of «an enormous revolution» in consciousness of the educated Russian elite; 2) search of algorithms of penetration into views, habits of consciousness of people in far eras; 3) understanding of the theory of folklore and literary phenomena borrowing by T. Benfey and recognition that there are general laws of mentality development in all peoples of the Earth; 4) use of visual sources for reconstructing of attitudes of ancient and medieval societies.

Keywords: scientific ideals, cultural and historical researches, idealization and aestheticization of folk art, «exposers» of national culture, spiritual activities, aesthetic and moral purity of national poetry, unartful and artificial poetry, inner world of the people, naive world view, national consciousness, impartiality and professionalism of scientists, theory of borrowing.

Вступая в 60-е гг. XIX в., которые были отмечены ожиданиями великих перемен в общественно-политическом укладе жизни России¹, Ф. И. Буслаев, воодушевленный признанием его научных заслуг, стал, как никогда раньше, ценить результаты своих исследований и видеть в них важный вклад в дело прогрессивного обновления своей Родины. Если прежде представители революционно-демократических кругов могли обвинить его в политической близорукости, пренебрежении социальными проблемами современности, – и это не было лишено оснований по той причине, что Ф. И. Буслаев раньше привлекала только наука и он занимался наукой ради науки, то после издания «Исторических очерков русской

народной словесности и искусства» сам ученый стал понимать, что его ученые интересы приобретают актуальное общественное звучание. «Заботливое собиранье и теоретическое изучение народных преданий, песен, пословиц, легенд, – теперь утверждал он, – не есть явление, изолированное от разнообразных идей политических и вообще практических нашего времени: это один из моментов той же дружной деятельности, которая освобождает рабов от крепостного ярма, отнимает у монополии права обогащаться за счет бедствующих масс, ниспровергает застарелые касты и, распространяя повсеместно грамотность, отбирает у них вековые привилегии на исключительную образованность...» [12, с. 8].

Вместе с тем его, как и прежде, в народной словесности привлекало не выражение «общественных интересов», а «нравственные убеждения» народных масс [11, с. 434]. Идеалом Ф. И. Буслаева, по мнению Е. Ляцкого, была «жизнерадостная и свободная народность; в основе ее духовной деятельности лежало предание – глубокое, поэтическое, прекрасное и нравственное, но остававшееся неизведанным и темным. Его пытливая мысль проникла в задушевные тайны русской старины и поэзии, а любящее отношение его ко всему, на чем лежала печать отдаленной эпохи, непосредственного, наивного мирозерцания, осветила перед ним наиболее привлекательные черты народного быта и духа и сообщила возвышенный тон его речи» [17, с. 142, 143].

В этой очень верно и точно подмеченной сентиментальности Ф. И. Буслаева, его чуткости к имплицитно заложенной в лучших образцах народной поэзии эстетической и нравственной чистоте содержится тайна магнетизма лучших исследований ученого. Воспитанный на романтической научной и художественной литературе, он и в 60-е гг. оставался на мировоззренческо-эстетических позициях романтизма. Ф. И. Буслаев, говоря его же словами, «как межзумок» [11, с. 435], оказывался словно на рубеже двух эпох в истории русского гуманитарного знания: с одной стороны, он был основателем в России новой критической науки, с другой – оставался «последним романтиком, бережно хранившим основные романтические воззрения на народность и народную поэзию» [1, с. 66, 67].

Печать «романтической дымки», за которой скрывались личные художественные или этические пристрастия Ф. И. Буслаева, придавала всем его работам известную долю идеализации. «По отношению к Буслаеву, – комментировал эту особенность неповторимого исследовательского почерка ученого Е. Ляцкий, – эта идеализация была положительно необходима: пробуждая общий интерес и сочувствие к народу и к его духовному миру, эта идеализация в то же время вызывала любовь к изучению старины и этнографии; и по путям, проложенным Федором Ивановичем, это изучение пошло в самых разных направлениях» [17, с. 144].

Когда спустя десятилетие, объясняя пробуждение интереса общественности к проблеме народности, Ф. И. Буслаев утверждал, что «громдным переворотам надобно было случиться и в жизни, и в умах, надобно было перетряхнуться вверх дном всем политическим, религиозным и обществен-

ным учреждениям... чтобы перенести свои эстетические интересы от Вергилия и Вольтера к простонародной песне, к низменному уровню сплошных масс населения» [15, с. 647, 648], он, несомненно, имел в виду и свою лепту, внесенную им в наступление эпохи «высокой гуманности»: она позволила уравновесить «достоинства и личностей, и масс», и в истории развития цивилизации подчеркнуть значение «сокровенных основ национальности» – принадлежавших «целому народу» языка, верований, преданий [13, с. 403, 404, 407]. Благодаря его попыткам «вдумываться глубже в общий смысл народной поэзии» [14, с. 309], «проникаться воззрениями средневековой поэзии», «входить в понятия и воззрения... старины [4, с. 397] и стал во многом возможен перелом в умонастроениях соотечественников.

Когда Ф. И. Буслаев совершал свои опыты «проникновения во внутреннюю жизнь народа... и смысл его преданий», он не допускал и мысли о «снихождении к грубости народных понятий и поэзии» – его цель состояла в другом, утверждал А. Н. Пыпин. Ученый переносил акцент на «привлекательные стороны народно-поэтических созданий»; преисполненный уважительного отношения к народным преданиям, он намеренно акцентировал их достоинства, не уступавшие ни в чем лучшим произведениям «искусственной» литературы [19, с. 701, 702].

Значит ли это, что Ф. И. Буслаев смотрел на народную поэзию словно сквозь розовые очки, а его любовование мудростью и высоконравственностью фольклора затмевало злободневные проблемы существования «русского простого народа»?

Из трудов ученого следует, что он никогда, подобно славянофилам, не поклонялся народу «в образе золотого кумира, украшенного ореолом святости и всех добродетелей», но ему было чуждо и свойственное крайним западникам отношение к народным массам как к «краснокожим дикарям, которым можно дать какую угодно религию и новое устройство» [11, с. 436, 437, 440].

Избегая и фанатичной, ничем не оправданной сакрализации русского народа, и его огульного очернительства, он направил свой потенциал ученого от мало волновавших его проблем социально-экономической жизни соотечественников в минувшие эпохи к наиболее таинственной для него и еще абсолютно не познанной наукой области культурно-исторических исследований – народному сознанию, которое на протяжении веков определяло нравственный и общественный быт соотечественников, а потому и являлось «мо-

стом» – связующим звеном между прошлым и настоящим.

Русский народ, изучавшийся с этих позиций, даже ему представлялся «неизвестным целым», «живым организмом», который достоин не одного лишь «внешнего, поверхностного взгляда» на «высшие проявления» в государственной, церковной, общественной и литературной жизни. Гораздо важнее ему казалось понять «внутреннее содержание» народности, открыть «общее и существенное» в бесконечном разнообразии «органических отправления» народной жизни, выяснить «нравственную физиономию» народа, выдававшую себя в памятниках словесности [11, с. 446, 492, 499].

Его изучение «национальных основ русской жизни» никогда не преследовало с обскурантистских позиций замаскировать под покровом фальшивой сентиментальности «темное, непроходимое невежество, смесь всяких предрассудков и суеверий», которые продолжают свое существование у низших необразованных масс народа. Но и презирать народную литературу, «подлую», в оценке «так называемого образованного общества», преклонявшегося только перед европейской культурой, он считал преступлением [11, с. 434–440]. «Невежество и суеверие толпы», ее грубость, «узкий горизонт», «невежественный фанатизм» он объяснял отсутствием в России «хороших учителей», «последовательного, осмотрительного и гуманного образования» [11, с. 492, 499, 501]. Ф. И. Буслаеву важно было не обличать эти «бедствия несвободы и невежества», а пробуждать интерес к творчеству народа, которое, по его убеждению, является «опорой и твердой основой» современной национальной культуры, своим любящим отношением к наследию предков изменять «заматеревшие» либо в равнодушии, либо в шельмовании и пренебрежении ко всему народному взгляды неистовых поклонников Запада, предоставив им доказательства наличия у русской цивилизации (как, впрочем, и у других) подлинно народных основ [11, с. 434].

Убеждая ученое сообщество, просвещая соотечественников, собирая единомышленников, Ф. И. Буслаев выполнял важную миссию: подготавливал эволюцию взглядов, представлений, интересов, вкусов своих современников. «В прежние времена», рассуждал он, их мысли привлекали только «высшие пункты человеческого развития» – гениальные личности, окруженные сиянием вековой славы. Именно гениев считали «великими цивилизаторами» всего человечества, отто-

го-то и история цивилизации представлялась не «в естественном шествии, шаг за шагом, по медленному пути развития народных масс, а в слепом перелете от одного верстового знака к другому», то есть от одной знаменитости к другой. Историки литературы занимались только творчеством крупных талантов и даже не пытались понять, какими духовными интересами пробавлялась «темная толпа»: они не понимали, что талант множеством нитей связан не только с ближайшими предшественниками, но и с созданными в глубине веков памятниками народной литературы.

«Мистическое чествование» гениальной личности крылось в общераспространенном заблуждении, что только она, как оракул, способна дать ответы на предложенные современностью вопросы. Даже в XIX в. ученые были готовы сполна доверять авторитету знаменитостей, не осознавая того, что без погружения в «низменную бытовую среду», сложенную из тысячи жизненных мелочей, в которой появился гений, невозможно адекватно оценить его творчество и тем более получить ответы на вызовы культурно-исторической среды.

Аналогичная ситуация складывалась и в истории изобразительного искусства. Самые знаменитые художественные галереи пополняли свои коллекции шедеврами художественного творчества, изысканными и изящными, – все же остальные полотна и скульптуры предавались полнейшему забвению.

Невнимание ученых и к «скромным деятелям, окружавшим знаменитую личность», и к народным массам с их духовными интересами превращало их сочинения по истории литературы в перечень литературных и других светил, поставленных в хронологическую последовательность и «округленных» эстетической теорией, что вполне соответствовало «аристократическому вкусу изящных умов избранного общества» [15, с. 645–647].

Ситуация стала изменяться только во второй половине XIX в., когда сначала в работах европейских романтиков, а затем и в трудах их верных последователей в России начали откровенно «высказываться любовь и благоговение к своему родному»: языку, религии, народной поэзии. То, что прежде классифицировалось как свидетельства «варварства и грубости», стало восприниматься «совокупностью убеждений и понятий всех и каждого», средой формирования великой личности, масштаб которой начал восприниматься тем более значительным, чем глубже и шире она «за-

хватывала в своей деятельности интересы масс».

Умение оценить по достоинству «скромную деятельность» безымянных создателей самородной поэзии, художественных артефактов «грубой работы» Ф. И. Буслаев называет «подвигом высокой гуманности». Человеколюбие «низошло к меньшей братии, погрязшей в варварстве и невежестве, и усмотрело в ней нравственные задатки человеческого развития», признало гармонию великого и малого, «достоинства и личностей, и масс»; развивающийся эстетический вкус истинных ценителей литературы и искусства стал довольствоваться не только «красотой линии, гармонией колорита», но и простотой, естественностью, «неисчерпаемым богатством содержания» внешне безобразных художественных форм [15, с. 647–651].

К сожалению Ф. И. Буслаева, внимание «к изучению прошедшего», признание «за народными массами законного права на нравственное бытие» [15, с. 645, 646] характеризуют преимущественно зарубежную научную и общественную мысль. Исследование народности в России по-прежнему с трудом пробивало себе дорогу; по мнению ученого, оно еще в полной мере не затронуло ни научное сообщество, ни сознание эстетствующих обывателей². Даже хвастливо заявляя о своем освобождении от «сословных и иерархических» предрассудков и стойком выборе «человеколюбивых целей, направленных к умственному и материальному благоденствию масс», эти лживые ревнители народности не торопились подчинять «свою эгоистическую личность насущным интересам народа... особенно духовным», – с сожалением замечал исследователь. Застарелая привычка к подражательству: «хватать западные идеи наобум», не превращая их в «сознательное, честное убеждение», приводила, по его мнению, к тому, что и «народное направление» усваивалось ими так же легкомысленно и поверхностно, как это было уже неоднократно, когда «заносилась мода на классицизм, сентиментализм, романтизм, гегелизм и на другие направления, сознательно и исторически возникавшие на Западе» [12, с. 6, 9].

Руководствуясь «сентиментальным отношением к народности», просветители «разных мастей»: из духовенства, дворянства, а также «беспоместных авантюристов», – активно принялись искоренять «простонародное невежество», производить «педагогические опыты над своей меньшей братией». Они желали избавить «русского мужика от его убеждений, обычаев и привычек», спасти от «темных наваждений старины... отрешить от всех

основ его национальности... сделать из него человека вообще, свежего и чистого от предрассудков, космополита, и потом дать ему новую жизнь, умственную, нравственную, политическую, религиозную». Относясь к «полуязыческому простонародью» совсем не по-братски, а по-прежнему свысока, просветители объявили все народные предания и обычаи «ненужным и противным хламом» и поставили перед собой задачу избавиться от него ради «цивилизованных удобств в массах», даже не задумываясь о том, что ни их намерениями, ни даже реформами невозможно искоренить душу народа, создававшуюся тысячелетиями.

Образованная публика, во всеуслышание заявлявшая о своей любви к народу, в 40-е гг. XIX в. в штыки приняла появление первых сборников народных песен и стихов (П. Н. Рыбникова, К. Ф. Калайдовича), которые «могли бы... так много внушить... пробудить в уме столько полезных идей, а в сердце столько любви к своей земле». В отличие от А. С. Пушкина, который преклонялся перед «простонародной фантазией», критики заклеили эти издания «безобразными и бессмысленными порождениями русского домощенного невежества».

«Обличители» народной культуры в литературных и даже научных кругах, боясь скомпрометировать «свою барскую чопорность мужицкими словами и понятиями», объявили русскую культуру и народность «жалким собранием темных предрассудков и суеверий», которые следует не изучать, а только «обличать» и, подобно «предмету одуряющему», к тому же не имеющему никакой пользы, «сдать в архив российского просвещения» [12, с. 6–15].

Соглашаясь с тем, что в безыскусственном народном творчестве, действительно, имеется немало грубого и нелепого, Ф. И. Буслаев упорно требовал не осуждать его, а попытаться разглядеть в нем «понятия и убеждения, думы и гадания... во всей их наивной наготе, переданные в слове» [13, с. 453]. Это, в его понимании, и составляло то устойчивое, исторически укорененное, фундаментальное ядро русской национальности, которое сейчас мы называем культурно-генетическим кодом нации.

Каковы бы ни были «явления народности – хорошие или дурные... они не должны раздражать в исследователе его личного вкуса, не должны питать в нем никакого пристрастия», – уверенно заявлял Ф. И. Буслаев. И обличение, и восхваление демонстрируют непрофессионализм автора подобных оценок, который, следуя за своими эмоци-

ями, удаляется от научной истины, в том числе и от научного постижения народной культуры. «Нечего восхвалять светлые стороны народности, – сетовал он, – потому что они сами говорят за себя... Еще менее позволительно порицать темные стороны нравов, обычаев и убеждений... потому что заслуживает порицания собственно то, что обязано своим происхождением личной воле, как дурной поступок... Что же касается до невежества, то оно само по себе так же невинно, как младенчество... общее достояние человечества» [8, с. 317].

Ф. И. Буслаев понимал, что неприятие народной – низовой – культуры оформилось в высших сословиях России еще с Петровских времен, когда в русской культуре произошел раскол на аристократическую и простонародную. Тогда и была нарушена тянувшаяся с доисторической эпохи самобытная национальная культурная традиция, потому что образованная русская элита приняла в качестве своих идейно-нравственных ориентиров европейские, и прежде всего немецкие, образцы, сознательно «отрезав» себя от «эпических основ русской национальности», и, вместо уяснения «сокровищ своей жизни», выработала в себе презрительное отношение к «подлому» народному преданию – «хламу», сохранившемуся из первобытного варварства [12, с. 5, 8, 14].

Ф. И. Буслаев, объяснив причины презрительно-высокомерного отношения высших слоев русского общества к простонародной культуре, вынес вердикт о продолжительном по срокам периоде, который потребуется на восстановление прервавшейся культурной традиции. Для преодоления «ложного и одностороннего отношения к своей народности», по его мнению, требовалось немало времени, и он выражал готовность своими «теоретическими исследованиями по народности в самом обширном ее значении, начиная от мифологии и религии до мельчайших условий быта, семейного и домашнего», ускорить осуществление «громдного переворота» в сознании своих соотечественников [12, с. 8]. Всем, кто еще не осознал значения «родной старины как существенного этапа самопознания и патриотизма» [12, с. 14, прим.], он советовал перенять «моду» с Запада, где уже совершился подвиг «великодушного самоотвержения» и пробудилась любовь к «своему родному» [15, с. 653].

«Уразумение основных начал народности» предполагало знакомство с «первобытным сознанием», народной психологией, детерминировавшими тот способ восприятия природного и соци-

ального универсума, который казался кому-то невежественным, мужицким, темным.

Ф. И. Буслаев первым в России попытался вступить в диалог с людьми далеких эпох, найти алгоритмы проникновения в их образ мыслей, понять их привычки сознания, выявить особенности их видения мира. Все эти новые для науки XIX в. задачи и сейчас считаются исключительно сложными в применении адекватного способа их решения³. Ф. И. Буслаев не без опасений и сомнений производил интерпретацию имевшихся в его распоряжении сведений, которые добывал из памятников словесности индоевропейцев. Особенно осторожно он пытался подходить к мифологии – «загадочному делу», предоставлявшему «открытое поле всевозможным догадкам» [15, с. 687]. «Чуждая нашему разумению среда» [9, с. 340, 341] казалась ему скрытой от его исследовательских интенций и не торопилась раскрыть сразу, с наскоку все свои тайны. Ученый понимал, что его воззрения являются «посторонними» для индоевропейцев с мифологическим сознанием, что он принадлежит «позднейшему времени», которое у него сформировало совершенно отличные от древних «современные понятия и убеждения» [5, с. 101].

Ограничив поначалу свои усилия введением в научный оборот неизвестных прежде памятников словесности и их комментариями, он постепенно включил в исследовательский процесс вторую группу источников – визуальные памятники («варварского», классического (греко-римского) и раннехристианского искусства. Это предоставляло Ф. И. Буслаеву больше возможностей для осуществления намерений, связанных с проникновением в глубины сознания людей ранних культурно-исторических эпох и цивилизаций.

Данное обстоятельство является первой причиной, объяснявшей «крупный переворот» его исследовательских интересов [6, с. 366], произошедший в конце 60-х гг. XIX в. О других причинах Ф. И. Буслаев со свойственной ему искренностью сообщает в своих «Воспоминаниях». Достигнув пятидесятилетнего возраста – зенита своей академической и научной деятельности, он стал относиться к результатам изучения проблемы народности и своим историко-литературным реставрациям с большей, чем прежде, требовательностью. Ему стало казаться, что «настоящие специалисты и в Москве, и в прочих университетских городах» далеко опередили его «и в санскрите с зендом, и в славянщине», и хотя ему еще потом пришлось долгие годы читать лекции «о новом

направлении сравнительного метода в изучении мифологии, преданий, народного быта и литературы», эта досконально изученная им и любимая область исследования уже не приносила ему прежнего удовлетворения [6, с. 366, 368].

Братясь за разработку абсолютного нового для себя материала, так называемой «византийщины», то есть изучать влияние византийского культурного наследия на европейскую, славянскую и русскую литературу, у него, по собственному признанию, уже не хватало сил, и он счел более целесообразным предоставить «молодому поколению», своим ученикам, вести исследования в этом направлении [6, с. 367]. Свои же научные помыслы он отныне решил связать с изучением изобразительного искусства как свидетельства минувших исторических периодов и мировидения людей архаических, древних и средневековых обществ.

Кроме того, Ф. И. Буслаеву важно было разобратся в новых теориях фольклорно-литературных явлений, которые с появлением в 1859 г. знаменитой книги Т. Бенфея «Панчатантра» стали оказывать заметное влияние на исследователей народной поэзии и мифологии. Без осмысления популярной в научных кругах точки зрения Т. Бенфея проводить дальнейшие исследования в привычном русле и формате уже становилось сложно.

Основные положения теории Т. Бенфея сводились к следующим выводам. Видимое и бесконечно повторяющееся сходство сюжетов и образов в творчестве разнообразных народов было вызвано не их племенным родством и не единством их мифологических представлений, сформировавшихся в доисторическую эпоху, а культурно-историческими связями, заимствованием одним народом произведений другого. Родина всех «странствующих» литературных жанров – Индия, откуда сказки, песни, рассказы, повести попадали в Европу тремя возможными путями: из восточного Средиземноморья – в Испанию, из Индии (при посредстве персов и аравитян) – в Сицилию, из Передней и Малой Азии через Византию – на Русь [2, с. 39, 40; 9, с. 341, 342].

Не трудно убедиться в том, что эти выводы опровергали многие научные положения Ф. И. Буслаева, прежде считавшиеся новаторскими, передовыми.

В России школа заимствования оформилась на рубеже 60–70-х гг., вытесняя из исследовательского пространства народного мирозерцания сторонников мифологической концепции Я. Гримма,

которую разделял и Ф. И. Буслаев⁴. Ему как «основоположнику мифологического истолкования народной поэзии» в России [21, с. 28] потребовалось время для осмысления конкурирующей теории, признание которой нивелировало бы его предшествующие научные достижения.

В ранний период исследовательской деятельности перед Ф. И. Буслаевым не стояли вопросы, где и когда возникли истоки народной поэзии. Полностью доверяя гриммовской мифологической теории, он воспринял как данность представления своего «главного учителя» об арийской прародине как месте возникновения доисторической индоевропейской общности, все время нераздельного существования которой было отправной точкой появления ее языка, мифов, многожанрового эпоса.

Благодаря школе Я. Гримма, Ф. И. Буслаев уяснил причины возникновения мифов и мифологии как особой системы мировосприятия первобытных народов и сделал выводы, в 50-е гг. XIX в. еще имевшие в значительной степени философско-умозрительный характер, о наличии общих психологических законов развития человеческого духа [9, с. 405; 14, с. 309, 310, 319]. Именно мифологическая теория сподвигла Ф. И. Буслаева осуществить попытки проникновения в глубь сознания человека архаических и древних обществ, проследить особенности его развития, задуматься о причинах устойчивости и факторах, провоцирующих изменения в мироощущении, обосновать культурно-исторические и этнопсихологические механизмы народного творчества.

Новая теория заимствования не обладала такими исследовательскими возможностями. Она занималась уже сформированными художественными единицами и стремилась выяснить, где эти единицы возникли, какими путями и почему произошел переход сюжета от одного народа к другому, что стало с этим произведением в новых культурно-исторических условиях.

Тем не менее, как свидетельствует А. Н. Пыпин, теория устных и письменных заимствований Т. Бенфея вызвала активизацию исследовательских усилий зарубежных ученых, опровергла ряд прежних положений мифологов, признававших «на дне каждого предания первобытный миф» или возводивших все основания «мифологического творчества» исключительно к психологическим законам. Изучение «средневековых памятников», «живого современного фольклора», «христианско-мифологических сказаний и поверий» позволило сторонникам Т. Бенфея, а в России

к ним относились А. Н. Веселовский и А. А. Потебня, заявить о необходимости пересмотра «всего состава народного предания», потому что «то, в чем [прежде – М. Н., Т. П.] видели миф», оказалось «книжным сказанием, от долгого обращения в народе получившим внешнюю народную складку», а то, что представлялось древним и исключительно самобытным национальным достоянием, неожиданно оказалось «весьма распространенным, почти всеобщим достоянием европейских Средних веков» [18, с. 254–256, 263].

Принимая во внимание эти доводы, мы все же должны подчеркнуть, что поклонники теории заимствования имели дело с изучением произведений словесного искусства, появившихся, как правило, на более высокой, по сравнению с первобытной, ступени развития, поэтому теория Т. Бенфея, заставив Ф. И. Буслаева пересмотреть некоторые прежние представления о месте, времени, путях проникновения в Древнюю Русь отдельных произведений, все же не смогла разрушить его уверенность в существовании генетической связи устной поэзии с мифологией как системой представлений создателей языческой культуры о мироздании и социуме.

В 1873 г., когда мировоззрение ученого испытало влияние позитивизма и почти полностью освободилось от философских традиций мыслительной техники его именитых немецких наставников, когда развитие сравнительной этнографии дало убедительные доказательства прежним предположениям, казавшимся исключительно «созданиями ученой фантазии» [18, с. 254], Ф. И. Буслаев уже смог решительно указать на ограниченность применения Бенфеевской концепции, которая только выводила изучение фольклора из области генетических проблем в область его позднейшей истории: «Теория так называемых бенфеистов... в своей узкой колее не может... до конца исследовать происхождение, состав и видоизменение всех этих странствующих преданий и сказаний, помимо других точек зрения, устанавливаемых на этот предмет теориями лингвистов, филологов или этнографов» [21, с. 24].

Вместе с тем он не мог не заметить, что, несмотря на крайности и преувеличения в выискивании литературных заимствований, новая теория смогла доказать участие в мировом литературном процессе не только избранной, как ему прежде казалось, индоевропейской семьи народов [10, с. 592], но и тех, пока еще мало изученных реликтовых племен, которые не принадлежали к «со-

племенной области индоевропейской». В свете этой теории, отмечал ученый в начале 70-х гг. XIX в., «уравняются в своих достоинствах все народности, и какой бы породе они ни принадлежали и на какой бы степени цивилизации ни стояли...» [15, с. 651].

Это важное для него самого открытие, к которому его приблизила полемика с бенфеистами, подсказывало ему необходимость поиска новых подходов к продолжению изучения излюбленной темы национального самосознания народности.

Проверка Ф. И. Буслаевым своей доктрины, подтверждение и корректировка ранее выдвинутых теоретических положений происходили в то время, когда он совершил «окончательный переворот» своих ученых занятий от языковедческой парадигмы к абсолютно новым для себя горизонтам научного знания. Почти все шестое десятилетие XIX в. его «душевные интересы» были сосредоточены на изучении археологии (то есть происхождении, первоначальных формах, древнейшем слое) и истории (динамике, развитии) древнерусского, прежде всего раннехристианского, искусства [6, с. 368]. Новые знания, добывавшиеся им при осмыслении визуальных источников, помогали ему высветить новые грани в рукописном наследии, что, в свою очередь, позволяло убедиться в обоснованности тех выводов, которые он воспринимал своими открытиями, так как памятники искусства ему удалось поставить в связь с литературными и фольклорными произведениями и использовать их для «понимания духа народа» [20, с. 7].

Проследивая пути сюжетов, стилей, образов в изобразительном искусстве, он находил нужные аргументы в пользу мифологической теории, а также оттачивал свои доводы, требовавшиеся в полемике с бенфеистами. В свою очередь, памятники словесности подсказывали ему важные идеи к интерпретации произведений искусства, куда все отчетливее переключаются приоритеты его житнетворчества.

Библиографический список

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики: в 2 т. [Текст] / М. К. Азадовский. – Т. 2. – М., 1963.
2. Академические школы в русском литературоведении [Текст]. – М., 1976.
3. Буслаев, Ф. И. Басни Крылова в иллюстрации академика Трутовского [Текст] / Ф. И. Буслаев. – 8-е изд. – СПб., 1864 // Буслаев Ф. И. Мои досуги: в 2 ч. – Ч. 2. – М., 1886. – С. 209–234.
4. Буслаев, Ф. И. Древнейшие эпические предания

славянских племен [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 355–376.

5. Буслаев, Ф. И. Лекции Ф. И. Буслаева Е. И. В. Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860 г.) [Текст] / Ф. И. Буслаев // Старица и новизна: исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. – М., 1904. – Кн. 8. – С. 97–375.

6. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М., 1897.

7. Буслаев, Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки [Текст] / Ф. И. Буслаев. – СПб., 1887.

8. Буслаев, Ф. И. О русских народных книгах и лубочных изданиях [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 303–366.

9. Буслаев, Ф. И. Перехожие повести и рассказы [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Мои досуги. – Ч. 2. – С. 259–406.

10. Буслаев, Ф. И. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 548–643.

11. Буслаев, Ф. И. Русские духовные стихи [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. – С. 434–501.

12. Буслаев, Ф. И. Русский богатырский эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. – С. 1–215.

13. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 401–454.

14. Буслаев, Ф. И. Славянские сказки [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 308–354.

15. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Русский вестник, издаваемый А. Катковым. – 1872. – Октябрь. – Т. 101. – С. 645–727.

16. Гуревич, А. Я. Категории Средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – 2-е изд. – М., 1984.

17. Ляцкий, Е. Значение трудов Ф. И. Буслаева по народной словесности [Текст] / Е. Ляцкий // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – М. 1898. – С. 129–147.

18. Пыпин, А. Н. История русской этнографии. Т. 2. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская [Текст] / А. Н. Пыпин. – СПб., 1891.

19. Пыпин, А. Н. Новейшие исследования русской народности [Текст] / А. Н. Пыпин // Вестник Европы: журнал истории, политики, литературы. – 1883. – Кн. 10. октябрь. – С. 695–742.

20. Федор Иванович Буслаев. Обзор трудов его по истории и археологии искусства: Речь, читанная в заседании Историко-филологического общества, посвященном памяти Ф. И. Буслаева, 31 октября 1897 г. [Текст] // Буслаев Ф. И. Древнерусская литература и православное искусство / Сост., концепция, подг. текста, вст. ст. А. А. Алексеева. – СПб., 2001. – С. 7–35.

21. Селиванов, Ф. М. К вопросу об эволюции теоретических взглядов Ф. И. Буслаева (к 150-летию со дня рождения) [Текст] / Ф. М. Селиванов // Вестник Московского университета. – Сер. Х. Филология. – 1968. – № 2. – Март – апрель. – С. 24–35.

Bibliograficheskiy spisok

1. Azadovskij, M. K. Istorija russkoj fol'kloristiki: v 2 t. [Tekst] / M. K. Azadovskij. – Т. 2. – М., 1963.

2. Akademicheskie shkoly v russkom literaturovedenii [Tekst]. – М., 1976.

3. Buslaev, F. I. Basni Krylova v illjustacii akademika Trutovskogo [Tekst] / F. I. Buslaev. – 8-e izd. – SPb., 1864 // Buslaev F. I. Moi dosugi: v 2 ch. – Ch. 2. – М., 1886. – S. 209–234.

4. Buslaev, F. I. Drevnejšie jepicheskie predanija slavjanskijh plemen [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb., 1861. – S. 355–376.

5. Buslaev, F. I. Lekcii F. I. Buslaeva E. I. V. Nasledniku Cesarevichu Nikolaju Aleksandroviču (1859–1860 g.) [Tekst] / F. I. Buslaev // Starina i novizna: istoricheskij sbornik, izdavaemyj pri obshhestve revnitatelej russkogo istoricheskogo prosveshhenija v pamjat' imperatora Aleksandra III. – М., 1904. – Кн. 8. – S. 97–375.

6. Buslaev, F. I. Moi vospominanija [Tekst] / F. I. Buslaev. – М., 1897.

7. Buslaev, F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki [Tekst] / F. I. Buslaev. – SPb., 1887.

8. Buslaev, F. I. O russkijh narodnyh knigah i lubochnyh izdanijah [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Sochinenija po arheologii i istorii iskusstva. – SPb., 1908. – Т. 1. – S. 303–366.

9. Buslaev, F. I. Perehozhie povesti i rasskazy [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Moi dosugi. – Ch. 2. – S. 259–406.

10. Buslaev, F. I. Povest' o Gore i Zlochastii, kak Gore-Zlochastie dovelo molodca vo inocheskij chin [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – Т. 1. – S. 548–643.

11. Buslaev, F. I. Russkie duhovnye stihy [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki. – S. 434–501.

12. Buslaev, F. I. Russkij bogatyrskij jepos [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. – S. 1–215.

13. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1. – S. 401–454.

14. Buslaev, F. I. Slavjanskije skazki [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1. – S. 308–354.

15. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Russkij vestnik, izdavaemyj A. Katkovym. – 1872. – Oktjabr'. – T. 101. – S. 645–727.

16. Gurevich, A. Ja. Kategorii Srednevekovoj kul'tury [Tekst] / A. Ja. Gurevich. – 2-e izd. – M., 1984.

17. Ljackij, E. Znachenie trudov F. I. Buslaeva po narodnoj slovesnosti [Tekst] / E. Ljackij // Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva. – M. 1898. – S. 129–147.

18. Pypin, A. N. Istorija russkoj jetnografii. T. 2. Obshhij obzor izuchenija narodnosti i jetnografija velikoruskaja [Tekst] / A. N. Pypin. – SPb., 1891.

19. Pypin, A. N. Novejshie issledovanija russkoj narodnosti [Tekst] / A. N. Pypin // Vestnik Evropy: zhurnal istorii, politiki, literatury. – 1883. – Kn. 10. oktjabr'. – S. 695–742.

20. Fedor Ivanovich Buslaev. Obzor trudov ego po istorii i arheologii iskusstva: Rech', chitannaja v zasedanii Istoriko-filologicheskogo obshhestva, posvjashhenom pamjati F. I. Buslaeva, 31 oktjabrja 1897 g. [Tekst] // Buslaev F. I. Drevnerusskaja literatura i pravoslavnoe iskusstvo / Sost., koncepcija, podg. teksta, vst. st. A. A. Alekseeva. – SPb., 2001. – S. 7–35.

21. Selivanov, F. M. K voprosu ob jevoljucii teoreticheskikh vzgljadov F. I. Buslaeva (k 150-letiju so dnja rozhdenija) [Tekst] / F. M. Selivanov // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Ser. H. Filologija. – 1968. – № 2. Mart – aprel'. – S. 24–35.

¹ Начало 60-х гг. XIX в. получило следующую оценку Ф. И. Буслаева: «Реформы последнего времени в нашем отечестве должны были отразиться духом обличения и в литературе, и в искусстве. Общественная совесть пробудилась; сознание своих недостатков и ошибок влекло к исправлению и уврачеванию. Всякий мыслящий человек думал внести свою долю участия в великое государственное

дело, заявив свою любовь к отечеству посильным исправлением его недостатков» [3, с. 216].

² Е. К. Редин в своей «Речи», произнесенной на заседании историко-филологического общества, которое было посвящено памяти Ф. И. Буслаева (1897), отмечал, что и в конце XIX в. «жалобы, упреки [Буслаева. – М. Н., Т. II.] в малом знакомстве нашем с родной стариной... еще не утратили своего значения» [20, с. 32].

³ К примеру, корифей культурно-исторических исследований А. Я. Гуревич в своей основополагающей для изучения менталитета человека Средневековья книге «Категории средневековой культуры», появившейся более чем через сто лет после опубликования Ф. И. Буслаевым результатов своих изысканий в этом же направлении, снова задал вопрос: возможно ли проникнуть в «техники мыслей» людей иных исторических эпох, не навязав им собственного видения мира, продиктованного нашей собственной средой и эпохой? Отчетливо осознавая, что для нас способы «переживания мира» людьми Средневековья превратились в иероглифы, требующие «расшифровки в иной знаково-логической системе», он все-таки опровергает выводы О. Шпенглера о «некоммуникабельности разных культур». По мнению А. Я. Гуревича, «исследователя, абсолютизирующего мысль о трудности или невозможности понимания представителем одной культуры другой, неизбежно постигнет полнейший творческий паралич». Успешность попыток установления диалога с людьми иных эпох он, как в свое время и Л. Ранке, поставил в зависимость от правильно подобранных методов и сведения к минимуму современных мировоззренческих и ценностно-смысловых представлений исследователя [16, с. 30–33].

⁴ Во введении к собранию своих сочинений, переизданных в 1887 г. под названием «Народная поэзия. Исторические очерки», он написал: «Так называемая Гриммовская школа с ее учением о самобытности народных основ мифологии, обычаев и сказаний, которые я проводил в своих исследованиях, должна была уступить место теории взаимного между народами общения в устных и письменных преданиях. Многие, что признавалось тогда за наследственную собственность того или другого народа, оказалось теперь случайным заимствованием, взятым извне вследствие разных обстоятельств, более или менее объясняемых историческими путями, по которым направлялись эти культурные влияния» [7, с. III, IV].